

18+

Сергей Александрович
Корчебный

Морок

Сергей Корчебный

Морок

«Издательские решения»

Корчебный С. А.

Морок / С. А. Корчебный — «Издательские решения»,

Он проснулся в собственной квартире, которая вдруг перестала быть домом. Коридоры вытянулись, двери ведут в никуда, а холод врос в стены, как старая боль. Когда он поднимается наверх — этажи прибавляются. Когда пытается уйти — путь обрывается. «Морок» — это путешествие человека по лабиринту, которого он сам не строил, но из которого теперь не может выбраться. Никто не держит его взаперти. Кроме, возможно, него самого.

Содержание

ПРОЛОГ	6
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ	8
КОРИДОР	8
ДВЕРЬ ПЕРВАЯ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Морок

Сергей Александрович Корчебный

© Сергей Александрович Корчебный, 2026

ISBN 978-5-0070-2152-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, течение века
Объемлет в краткий миг оно.

И всемогущим мой прекрасный дом
Для чувства этого построен,
И осужден страдать я долго в нём
И в нём лишь буду я спокоен.

Задумывались ли вы когда-нибудь, что в действительности скрывается за изящным фасадом «дворца памяти»? Психология предлагает нам сухой, почти аптечный термин: метод мнемоники. Она описывает его как процесс превращения информации в причудливую прогулку по залам воображения. Вы берете за основу чертежи знакомого дома и методично расставляете факты по углам, словно антикварную мебель. Бутылка молока у порога, важная дата, застывшая бликом в старом зеркале, чужое имя, небрежно брошенное на пыльный бархат дивана... Наш разум глух к безликим цифрам, но он жаждет до образов и исхоженных троп. Стоит лишь закрыть глаза, совершить медленный променад по безмолвным анфиладам — и забытое вновь обретает плоть.

Но так ли благословен этот дар, если всмотреться в него пристальнее? Всегда ли мы жаждем воскрешать тени прошлого, или же в глубине души тайно грезим о милосердном искусстве забвения?

У каждого из нас в этом дворце есть запертые двери. За ними, в густой тишине, таятся моменты, терзающие душу. Поступки столь неприглядные, что одно воспоминание о них заставляет содрогаться в безмолвном покаянии, граничащем с безумием. Пытаясь заглушить этот внутренний крик, мы порой ищем спасения в тумане пагубных привычек, надеясь, что их серый саван укроет нас от самих себя, ослепит взор и сотрет из памяти постыдные страницы.

Психологи любят повторять, что память — это наше оружие и щит, наша опора. Но не посещал ли вас тихий страх, что однажды это оружие обернется против владельца? Что щит, в который вы так верили, рассыплется прахом, оставив вас беззащитными перед ледяным лицом собственной совести?

Каково это — жить, не просто осознавая роковую ошибку, но неся её внутри как непосильную ношу, будучи лишенным всякой возможности забыться?

Этот дворец и есть наше истинное, вечное жилище. Он не просто ждет нас где-то в чертогах разума — он следует за нами тенью, гуляет в такт нашему шагу, замирает, когда мы останавливаемся. Он помнит каждое наше мимолетное движение.словно незаметный, пугающе верный родственник, он всегда стоит за плечом, напоминая, что из этого дома нам никогда не суждено выехать.

Мой герой отдал бы всё, чтобы отречься от этого внутреннего монастыря, который возводил годами. Он жаждет разрушить его до основания, сжечь чертежи и сбежать прочь, в блаженную пустоту неизвестности. Но этот дворец — не просто метафора, это и есть наш вечный дом, который всегда с нами. Он гуляет с нами, дышит нам в затылок, помнит каждое наше движение. Он — словно тот самый незаметный, но пугающе верный родственник, что не оставляет нас ни на секунду. Этот монастырь, обещавший покой, совершил самое подлое предательство: он запер нас внутри самих себя, превратив священную обитель в вечную, нерушимую тюрьму.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

КОРИДОР

Давид Иванов очнулся на полу, чья ледяная поверхность казалась не просто остывшим камнем, а самой плотью вечной мерзлоты. Ощущение было обманчивым: в этом странном месте не было ни осенней грязи, ни сырости разбитых дождем дорог. Здесь царил иной, абсолютный холод — сухой и неподвижный, будто в комнату ворвался и внезапно застыл невидимый мороз под минус пятнадцать.

Кое-как поднявшись на ноги, Давид сложил ладони лодочкой и выдохнул. Густое серое облако пара вырвалось из его груди, подтверждая очевидное: в этом пространстве царила стужа. Но в воздухе таилась странная, пугающая закономерность. Давид не чувствовал кожей ледяных объятий ветра, мороз не кусал его лицо и не заставлял дрожать в лихорадке. Холод здесь не был живым, он не путешествовал в пространстве как материальное тело. Стужа жила лишь в оболочках предметов, намертво впаянная в поверхность стен и гладь пола. Сама материя окружающего мира превратилась в лед, в то время как пустота между вещами оставалась безразличной и неподвижной.

Завороженный этим противоестественным безмолвием, Давид сделал первый шаг. Оставив позади оцепенение, он отправился вглубь этого искаженного мира — странник, бредущий сквозь мороз, которого нет в воздухе, но который пропитал собой всё сущее.

Давид Иванов замер посреди старого коридора, где само время, казалось, превратилось в густую, липкую пыль. Перед ним, в глубине прихожей, молчаливой стражей стояла закрытая деревянная дверь. Над ней, под самым потолком, сиротливо покачивалась старинная позолоченная люстра. Облезлый металл едва блестел под слоем многолетней грязи, но несколько уцелевших лампочек еще теплились, разливая вокруг слабый, болезненно-желтый свет.

Слева во тьму уходила узкая лестница — её стертые ступени и щербатые перила напоминали хребет древнего зверя. Справа тянулись глухие темные панели, увешанные пустыми рамами; их черные провалы смотрели на Давида с немим укором. Стены и потолок, изъеденные трещинами и пятнами сырости, шелушились лоскутами старой краски, а широкие половицы жалобно скрипели, прогибаясь под весом незваного гостя. Весь этот мир был соткан из коричневых теней и серого запустения, и лишь дрожащий свет люстры заставлял взгляд неотрывно следить за дверью, за которой, казалось, затаилось само ожидание.

Давид медленно обернулся, вглядываясь в знакомые изгибы пространства. Внезапно в его сознании что-то шелкнуло — резкое, болезненное дежавю прошло разум раскаленной иглой. Смутные контуры коридора вдруг сложились в единую картину, и его обдало волной ледяного узнавания.

Это было его пристанище — или, по крайней мере, некое призрачное подобие того места, которое он когда-то называл домом. Знакомые очертания стен и изгибы коридоров проступали сквозь полумрак, словно старая фотография в кювете с проявителем, но в этом узнавании не было тепла. Пространство замерло в зыбком пограничье: оно хранило топографию его жизни,

но лишилось её души, превратившись в холодную, искаженную декорацию, возведенную лишь для того, чтобы заманить его в ловушку собственных воспоминаний.

Его собственный дом, его крепость, его прошлое. Но осознание принесло не покой, а лишь новый виток ужаса. Откуда здесь этот мертвенный, застывший в стенах холод? И как он оказался заперт в собственной памяти, превратившейся в руины? Давид стоял в центре своего прошлого, не понимая, в какой момент его личное убежище стало его личным склепом.

«Какой, к черту, это дом?..» — мысль вспыхнула в сознании, горькая и острая, словно осколок битого стекла. Давид лихорадочно озирался. Это место действительно напоминало его квартиру — те же очертания, тот же силуэт дверного проема, — но всё здесь было непоправимо, гротескно искажено, будто привычное пространство отразилось в кривом зеркале кошмара. Каждая линия казалась надломленной, каждый угол — чужим и враждебным.

Собственные мысли не остались внутри; они вырвались наружу, раскатившись по коридору тяжелым, гулким эхом, будто стены обрели голос и теперь издевательски повторяли его страхи. Охваченный внезапным приступом ярости и бессилия, Давид бросился к стене. Он начал бить по ней кулаками, надеясь проломить эту иллюзию, разрушить морок, достучаться до реальности.

Но стоило костяшкам коснуться поверхности, как в голову вонзился раскаленный штырь. Каждый удар по стене отзывался не грохотом дерева или штукатурки, а ослепительной, невыносимой болью в самом центре его мозга. Это не была физическая травма — это было содрогание самого его существа. Словно стены этого дома были сплетены из его же нервов, и, калеча окружающее пространство, он в буквальном смысле избивал собственную душу, превращая каждое движение в акт медленного самоуничтожения.

«Так, спокойно... этого просто не может быть. Мало того что я заперт в каком-то больном слепке собственной квартиры, так еще и стены кусаются в ответ на каждый удар?» — Давид лихорадочно облизал пересохшие губы, пытаясь отогнать липкое чувство нереальности. «Бред. Абсурд. Неужели это всего лишь затянувшийся, чересчур правдоподобный сон?»

Он продолжал озираться, впитывая взглядом каждую трещину в штукатурке, пока его внимание вновь не приковала к себе та самая дверь. Она стояла в конце коридора, безмолвная и властная, словно главный нерв этого странного места. В груди вскипело упрямое, злое отчаяние. Недолго думая, Давид рванулся вперед, решив проверить пространство на прочность в последний раз. А что, если ударить в самую суть этой иллюзии? Что, если выбить эту проклятую дверь?

Он вложил в удар всю свою ярость, но этот замах стал роковой ошибкой. Стоило кулаку коснуться старого дерева, как пространство вокруг него содрогнулось. Удар не прошел сквозь преграду — он вернулся к нему с удвоенной силой, словно Давид со всего размаха ударил самого себя в грудь тяжелым молотом. Воздух с хрипом вырвался из легких, парня отбросило назад, и он позорно рухнул на холодные доски пола.

Сердце колотилось где-то в горле, а зрачки расширились, став огромными и черными, как пятирублевые монеты. Давид застыл, боясь пошевелиться, и не отрывал взгляда от неподвижной двери. В голове, перекрывая звон, пульсировал лишь один вопрос: «Что это за чер-

товщина? Что ты такое?!» — но дом, вросший в его сознание, продолжал хранить свое ледяное молчание.

Тяжелое дерево двери нехотя поддалось, издав едва слышный, благоговейный скрип, и из образовавшейся щели хлынул поток бледного, призрачного света. Эти случайные, пронзительно-белые лучи разрезали полумрак коридора, на мгновение ослепив Давида и заставив его инстинктивно прикрыться рукой. Свет не грел, но в его холодном сиянии было нечто манящее, почти сакральное.

Преодолевая дрожь в коленях и глухую боль в груди, парень медленно поднялся с пола. Его силуэт, изломанный тенями, на секунду замер перед сияющим проемом. Сделав глубокий вдох, Давид шагнул навстречу неизвестности. Он протянул дрожащую ладонь, коснулся рукоятки и решительным движением распахнул дверь настежь, позволяя ослепительной белизне поглотить себя целиком.

ДВЕРЬ ПЕРВАЯ

Я вернулся в свой привычный, залитый солнцем день — один из тех, что неотличимы друг от друга в бесконечной череде скучной рутины. Казалось бы, в нём не было ничего особенного, но какая-то неуловимая деталь, едва заметное колебание воздуха уже шептало о переменах.

Пробуждение было медленным. Я сел на кровати, ощущая ладонью шершавую фактуру клетчатого покрывала. Моя маленькая комната, застывшая в приглушённых, пыльных тонах, казалась коконом, отгороженным от остального мира. В центре — старая односпальная кровать с деревянным изголовьем, по бокам — тумбочки, заваленные мелочами, в которых затаилось моё прошлое. Со стены на меня молчаливо взирал старый килим, а напротив, в потемневшем зеркале комода, отражался серый экран выключенного телевизора. Под ногами пестрел орнаментальный ковер, скрывающий под собой уставший, поскрипывающий паркет.

Дневной свет мягко просачивался через приоткрытую дверь коридора, бросая тёплые блики на выгоревшие обои. Я снова обвёл взглядом это пристанище — обжитое, родное и безнадежно устаревшее. Сколько лет я планировал ремонт? Обещания самому себе стали моим личным проклятием: руки вечно «не доходили», а воля тонула в повседневной неге.

Вздохнув, я стряхнул с себя остатки сна. Настало время привычного ритуала: холодная вода в умывальнике, чтобы окончательно прийти в себя, и неизменный завтрак в тишине просыпающегося дома.

Я пересёк порог кухни, и тяжёлое чувство неуютности, преследовавшее меня в спальне, мгновенно рассеялось. Это пространство было моей тихой гордостью, моим маленьким триумфом над бытом. Кухня, залитая мягким дневным светом, казалась сошедшей со страниц винтажного журнала: бело-синяя мозаика плитки на стенах игриво поблескивала, а мятный бок ретро-холодильника вносил ноту свежести в общую палитру.

Здесь всё дышало жизнью. На подоконнике теснились пышные домашние растения, греясь над чугунным радиатором, а на деревянном столе, рядом с ноутбуком, меня ждала верная кружка. Я невольно засмотрелся на это сочетание светлых шкафчиков и старой газовой плиты с массивной вытяжкой. Честно говоря, контраст с остальной квартирой был настолько разительным, что я порой всерьёз подумывал перетащить сюда матрас. На этой кухне я чувствовал себя человеком, в то время как спальня... спальня была моим тихим позорищем, памятником несбывшимся планам.

Даже брат, заглядывая в гости, не упускал случая поддеть меня: «Слушай, ну сдай ты этот sklep в аренду любителям старины, а сам живи здесь, всё равно ведь из кухни не вылезашь!» Я лишь усмехался в ответ, понимая, что он прав. В этом светлом уголке, среди мятного глянца и мозаичных узоров, моё «проклятие лени» на время отступало, уступая место мимолётному покою.

Завтрак был готов на скорую руку — простая еда, съеденная почти механически. Теперь оставалось лишь ждать Ярослава.

Мой брат. Само это слово всегда казалось мне каким-то чужим, неподходящим для того странного союза, который нас объединял. Между нами никогда не было того густого семейного тепла, о котором пишут в романах. Наши отношения скорее напоминали затянувшийся спарринг двух приятелей: вечные подначки, колючий юмор, ирония на грани фола. Мы общались как случайные соратники, но точно не как братья.

Мать часто сетовала, глядя на нас, что мы ведем себя будто чужие люди. В её голосе всегда сквозила тихая обида за то, что в нашем доме так и не проросла родственная близость. И где-то в глубине души я не мог с ней не согласиться. Родные души ведь встречаются иначе: с распахнутыми объятиями, с шумными застольями и искренней теплотой, которая согревает в праздники.

А мы? Мы были двумя параллельными прямыми, которые случайно оказались в одной плоскости. Мы могли шутить, спорить и даже помогать друг другу, но той невидимой нити, что связывает людей одной крови, я не чувствовал. Наверное, мать всё-таки права: мы действительно были друг другу «как не родные». И это осознание ложилось на утреннюю тишину кухни едва заметной, горьковатой тенью.

Самое трагичное во всей этой истории заключалось в неоспоримом биологическом факте: генетика связала нас неразрывно, наделив общим кодом, одной кровью и общим прошлым. Почти всю жизнь мы провели бок о бок, деля пространство дома и время юности, но именно в этом и таилась самая горькая ирония.

Мы были братьями по праву плоти, по суровому закону природы, однако в реальности это родство казалось лишь формальностью. Печально было сознавать, что, обладая общим «фундаментом», мы выстроили на нём совершенно разные миры. Нас разделяла невидимая, но непреодолимая пропасть: разный менталитет, полярные взгляды на жизнь и, что важнее всего, совершенно разное духовное состояние.

Мы были как две книги в одинаковых переплётах, стоящие на одной полке, но написанные на разных, непонятных друг другу языках. И это биологическое единство лишь подчеркивало нашу фатальную внутреннюю разобщённость, превращая наше родство в своего рода тихую, затяжную драму.

Эта горькая правда висела над нами годами. Впрочем, говоря «семья», я, пожалуй, преувеличил — трещина пролегла именно в нашей с братом связи. Если бы мне пришлось подбирать определение, я бы назвал эти отношения проклятыми. В них не было и капли той здоровой, понятной близости, что связывает нормальных братьев; мы всё делали наперекор канонам родства, будто по какому-то искаженному сценарию.

«От каждого по способностям, каждому по потребностям», — горько усмехнулся я про себя. Что ж, раз природа не наделила нас душевным единством, оставалось лишь вернуться к делам и попытаться забыть в работе. Сосредоточенность — единственное надежное убежище от навязчивых мыслей.

Я вошел в зал, окинув его быстрым, почти мимолетным взглядом. Гостиная дышала тихим, запыленным уютом: старый телевизор застыл на тумбе напротив узорного ковра, справа грузно расположился диван, а левую стену почти целиком занимала громоздкая советская

«стенка». Сквозь полупрозрачную тюль и тяжелые цветные шторы пробивался одинокий солнечный луч, высвечивая замершее у окна растение.

Но, несмотря на всю мирность этой картины, мой взгляд неизменно возвращался к «стенке». Именно она была катализатором нынешней дилеммы. Одна из её дверей висела на честном слове — буквально на соплях; казалось, она рухнет от первого же неосторожного вздоха. Именно это досадное обстоятельство вынудило меня переступить через гордость и позвать брата на помощь. В подобных бытовых «экзекуциях» Ярослав был куда искуснее меня, хотя я и сам не считал себя совсем уж белоручкой. Просто сейчас мне требовалось присутствие того, кто был мне ближе и одновременно дальше всех на свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.